Плётки и андеи

Татьяна Дубровская

Татьяна Дубровская

Плётки и андеи

https://litres.ru/74734007
SelfPub; 2026

Аннотация

Этого места больше нет на карте. Растворяются, тают, стираются из памяти голоса и лица тех, кто когда-то жил в маленькой деревеньке на краю леса.

Как хорошо, что придумали буквы!

Татьяна Дубровская
Плётки и андеи

Моей дорогой маме посвящается

Мама очень любила рассказывать о прошлом, а поскольку общались мы каждый день, эти рассказы часто повторялись. Кому хочется слушать одно и то же, когда голова заполнена каждодневной суетой? «Мама, у тебя прекрасный слог и отличный почерк. Ну запиши, пожалуйста, всё, что помнишь!» Но мама не хотела писать – она хотела рассказывать, а я хотела читать и не хотела слушать. Такое вот досадное несовпадение.

Для того чтобы внимать неторопливому рассказчику «в прямом эфире», нужны соответствующая обстановка и настроение, а вот читать или слушать в записи можно в любое удобное время. Мама почти ничего не перенесла на бумагу, и я решила сделать это вместо неё – хоть частично. Так и появились зарисовки о маминой малой родине, объединённые странным на первый взгляд названием «Плётки и андеи», где не соблюдена хронология событий, где мои детские воспоминания, освежённые и дополненные старшим братом, перемежаются с мамиными, где увиденное мною и рассказанное мне никак не отделены друг от друга.

***

В ту, уже совсем далёкую пору, в деревне существовало очень чёткое разделение на мужиков и баб. Мужикам – пахать, косить, мастерить и строить. Бабам – хлопотать по хозяйству с утра до вечера, а чуть выпадет свободная минутка – заплести незатейливый диалог с проходящей мимо или заглянувшей в гости соседкой.

«Плётки и андеи» – так снисходительно-насмешливо характеризовал содержание этих бесед дедушка. Передразнивал какую-то древнюю старушку, которая сплетни называла плётками, а идеи – андеями. Что конкретно в бабьих беседах относилось к плёткам, а что к андеям, дедушка не уточнял. Плётки и андеи мягко переплетались, перетекали друг в друга в неспешных разговорах у колодца, на освещённой закатным солнцем лавочке возле дома, в прохладной, чисто убранной комнате под названием «зал» с окошком, открытым в душистый жасминный палисадник.

Мама родилась в этой деревне и жила там до шестнадцати лет, а затем приезжала только на каникулы и в отпуск. После окончания педучилища она отработала положенные три года по распределению и навсегда перебралась в город. Но несмотря на то, что большую часть своей жизни мама была горожанкой, она часто начинала разговор словами: «А у нас в деревне…»

К тому времени, когда меня и брата стали вывозить в эту деревню на один летний месяц, в ней осталось всего восемь

дворов. В самом её начале, на отшибе, расположились Кулина и Пека. Затем слитно, забор к забору, жили Иван и Сома, Грищиха, Антон и Надя Антониха и мамины родители – Алексей и Прасковья.

За мелким ручьём, пересекавшим деревенскую дорогу, начинался небольшой подъём, и там, на возвышении, стоял длинный дом Толика и Веры, а напротив него – кусты сирени и пышные липы, которые остались от прежде находившейся здесь усадьбы. Дальше дорога снова шла вниз, и, прежде чем нырнуть в старый и весьма дремучий лес, прицепляла к себе ещё два двора – Андреевой Нади и Лёксы.

Здесь самое время поговорить о женских именах. Феминисток в деревне не было, поэтому если имя мужа позволяло добавить соответствующий суффикс, именно оно и ложилось в основу женского имени.

Так, вышедшая за Антона Надя стала Антонихой, а жена Григория – Грищихой. Вторая Надя замуж не выходила, поэтому была Надей Андреевой – по имени отца. У Толика имя к суффиксу не подошло, и жена его была просто Вера или, для уточнения, Толикова Вера. По этой же причине своё собственное имя носила жена Петра Кулина. Лёкса, бывшая по паспорту Александрой, мужа потеряла в первые дни войны, и её былую принадлежность супругу никто не подчёркивал. Нашу бабушку Пашу тоже почему-то называли собственным именем, хотя она могла вполне стать Алексеихой. Может быть, потому, что она в юности училась в гимназии

и даже была в своё время председателем колхоза? Впрочем, простоватый Адам из расположенной за лесом деревни, ничтоже сумняшеся, добавил «-ищ» к её собственному имени и всегда называл её Пащиха. Может, из уважения, а может просто запутался.

Интересно, что суффикс, присоединяемый к мужскому имени для обозначения замужней женщины, иногда прилеплялся не по делу. Когда на лбу одного из жителей соседней деревни выросла шишка и его прозвали Рог, его родная сестра совершенно неожиданно для себя и без особого восторга стала Рожихой.

Прозвища в деревне были не у каждого. Чтобы получить прозвище, нужно было сильно чем-то выделиться. Например, Ивана назвали Балабосом за легковесность и неосновательность характера, а Михальчиху, в более давние времена, окрестили Лениным за мудрость и дальновидность. Она всех своих детей выучила полезным ремёслам, и именно в её доме появились невиданные ранее предметы мебели – трюмо и канапа. А уже после Ленина, вопреки общепринятой хронологии событий, в деревне появился Царь и поселился в той самой избе, которая раньше принадлежала Ленину.

***

Итак, мамина родная деревенька, какой мы застали её с братом – одна безымянная улица, восемь дворов и двадцать семь постоянных жителей. Ну что ж, начнем по порядку.

Кулина и Пека

Кулина возможно была Акулиной, а Пека точно был Петром. В мамином альбоме сохранилась их свадебная фотография. Кулина – в цветастом платье, выделенная белой шалью на плечах и такой же белой фатой, похожей на кокошник. Пека – очень худой и напряжённо серьёзный, в чёрном костюме с бутоньеркой на лацкане. Была поздняя осень и, наверное, в тот свадебный день было довольно холодно, ибо у двух пожилых женщин в первом ряду из-под нарядных лёгких платьев выглядывают неуклюжие валенки с галошами.

Рядом в альбоме приклеена фотография ещё одной свадьбы. Молодожёны и гости стоят на очищенной от снега площадке, и на невесте те же самые шаль и фата, а у жениха – та же самая бутоньерка с ленточкой, что и на первой фотографии. Все нарядные, без верхней одежды, несмотря на мороз. Правда, когда выходили фотографироваться, один из мужчин, похоже, привычно нахлобучил шапку-ушанку. Потом опомнился и быстро избавился от неё, пристроив на тонкую веточку росшего позади дерева. Фотограф же отошёл подальше, чтобы всех захватить, да ещё сделать припуск и с боков, и сверху. Вот и оказалась эта шапка на самом видном месте. Неопознанным летающим объектом зависла она над головами гостей из второго ряда и странным образом нисколько не испортила, а наоборот, даже улучшила компози-

цию.

Но вернемся к паре с первой фотографии.

Кулина и Пека жили обособленно – и физически, поскольку у них не было соседей, и морально, так как оба были молчаливыми и замкнутыми. Кулину я видела всего несколько раз, а вот её супруга – очень часто. Пека пас колхозных телят и почти каждый день прогонял своё стадо по полю перед нашим домом.

Его полное имя Пётр показалось односельчанам не очень удобным для повседневного произношения, но и Петей называть его было неловко, так как он был очень высок ростом и очень грозен с виду, чем-то напоминая своего великого тёзку – Петра Первого. Поэтому и прижился твёрдо звучащий вариант – Пека.

Когда, сидя в седле, Пека хмуро и гордо проплывал над телячьим стадом, он был похож на медного всадника, только была под ним не вставшая на дыбы карабахская кобылка, а простая, деревенская, продавленная посередине лошадка.

Иван и Сома

Иван был младшим братом Царя, и, как положено младшему брату, он был Иван… нет, не Дурак – Балабос, бесшабашный и безалаберный. В молодости он слыл первым танцором на деревне, но постепенно, без тренировки утратил былую лёгкость, а когда ему ампутировали ногу выше коле-

на, то вместе с конечностью утратил и своё прежнее весёлое прозвище и вместо Ивана-Балабоса стал Иваном-Шлёп-Нога.

Его жена Сома, смуглая, громкоголосая, всеми своими повадками и ухватками похожая на цыганку, по-настоящему была Соней, но так же, как и в случае с Пекой, сельчанам пришлось добавить в её имя твёрдости.

Сома обладала низким, как в дубовую бочку падающим голосом и в пылу спора никогда не повышала его в буквальном смысле этого слова. То есть она охотно и быстро переходила на крик, но в нём не было ни распева, ни подъёма, ни визгливых бабьих ноток. Как покорно бредущий по стихотворению бесталанный школьник, Сома монотонно бубнила свой крик, компенсируя его невыразительность обилием проклятий.

Деревенские проклятия не отличались особым разнообразием ни по форме, ни по содержанию. Они всегда начинались со слов: «Что б ты…» и заканчивались чем-то неприятным, но тоже весьма предсказуемым. Наиболее популярными вариантами были «сдох» или «счернел». Помню, как бабушка однажды в сердцах пожелала счернеть своей абсолютно чёрной, без единого белого пятнышка корове, которая после такого бессмысленного проклятия продолжила вредничать с прежним энтузиазмом.

Грищиха

Я застала Грищиху в очень позднем её возрасте. Тусклым чёрным жуком перемещалась она по деревне, опираясь сразу на две палки, как при скандинавской ходьбе. А когда-то она была миловидной и стройной, и звали её Настенька. Именно так обращался к ней муж Гришенька – бравый красавчик с чубом, прошедший войну и лагеря и, слава богу, вернувшийся живым и невредимым. Детей им бог не дал, и они, как гоголевские старосветские помещики, очень трогательно и нежно относились друг к другу.

– Ой, нехорошо мне что-то, – иногда говаривала Настенька, и, оседлав коня, мчался Гришенька в райцентр, в аптеку – двадцать пять вёрст в оба конца.

Умер он скоропостижно от воспаления лёгких, а Настенька пережила своего Гришеньку лет на тридцать, не меньше.

С возрастом и без Гришеньки Настенька утратила доброжелательность, стала сварливой и злобной и превратилась в похожую на ведьму Грищиху. Она всегда ходила в тёмном и даже в сильную жару не спускала с плеч старую тужурку. И неважно, что тужурка – это мужской предмет одежды, здесь смысл в том, что Грищиха носила эту свою не то куртку, не то пиджак всё время, то есть toujour. Потому и тужурка.

Малые дети простодушно пугались её мрачного вида, а взрослые затаённо побаивались дурного глаза. Считалось, что Грищиха умеет ворожить и заговаривать мелкие болячки. Во втором её умении моей маме довелось убедиться лич-

но. Когда в ещё совсем юном возрасте, ступая по стерне, она наколола ногу и на подошве образовался болезненный нарыв, Грищиха что-то над ним пошептала, и боль тут же прошла.

Мой старший братец, в ту пору уже студент политехнического института, как-то раз в своём летнем письме из деревни упомянул некую Фитцджеральду. Оказалось, он придумал это имя для Грищихи. Много лет спустя я спросила его: «Почему, собственно, Фитцджеральда?» Он затруднился ответить определённо. Возможно, этой ссылкой на фамилию знаменитого автора «Великого Гэтсби» мой брат хотел подчеркнуть талант Грищихи плести нескончаемые плётки, сидя за чаем на бабушкиной кухне. Как бы то ни было, непростое, хоть и не существующее заморское имя Фитцджеральда придавало сгорбленной, тёмной фигурке Грищихи некую возвышенность, достоинство и благородство.

Иностранные фамилии и названия звучали для нас в то время так заманчиво, так романтично. Касабланка, Растрелли, Боккаччо – как приятно было и слышать, и произносить! А попробуйте-ка с такой же интонацией сказать «белый дом», «грабли», «большой рот»! Ну как можно итальянцу с придыханием и восторгом говорить о Растрелли?! Или вот фамилия Бевилакуа – для нас звучит как музыка, а для итальянца как полезный совет – пей воду. Получается, поскребёшь какую-нибудь ласкающую слух иностранную фамилию, и обнаружится тот же самый Подопригора. К сча-

стью, мы не знали тогда перевода испанских или итальянских слов, и опера «Падшая», написанная Иосифом из рода Зелёных, была для нас воздушной «Травиатой» Джузеппе Верди.

Фитцджеральда… Нет, здесь лучше – Грищиха жила в покосившейся, вросшей в землю избушке, у которой не было не только курьих ножек, но даже и деревянного пола. Не успел Гришенька новую избу поставить в тот короткий промежуток времени между концом войны и началом воспаления лёгких.

Печь свою Грищиха топила редко, на дровах экономила и поэтому горячую пищу могла получить только у соседей. Наиболее подходящим местом бесплатного столования был дом многодетной Веры, у которой всегда было что-то наварено – семеро по лавкам как-никак.

Грищиха всем казалась вечной, и никто не воспринимал всерьёз её постоянные жалобы на плохое самочувствие: «Вчера было лу-у-учше, а сегодня ху-у-уже». Подозревали её в притворстве, скорее всего безосновательно. Просто люди всегда с подозрением относятся к долгожителям, которые, давно схоронив всех своих ровесников, продолжают годами жаловаться на слабое здоровье.

Однажды в гостях у Толиковой Веры она в очередной раз объявила, что ей нехорошо. У Веры в коробке с лекарствами нашёлся лишь старый, давно переживший срок своей годности нашатырный спирт. Грищиха понюхала бутылочку возле

закрытой пробки:

– Ну вот, полегчало.

– Тётя, вы не так делаете, – не выдержал сидевший тут же сосед. – Нужно на руку налить и лицо протереть.

– Ах ты такой-сякой! – напустилась на него враз окрепшая Грищиха и пожелала ему, как минимум, счернеть за издевательство над бедной старушкой.

Любила подшучивать над Грищихой и дедушкина родная сестра Ирина, которая вообще-то жила в Сибири, но часто приезжала на родину погостить. Из-за сильного искривления позвоночника она с юности носила большой горб на спине и была великой пересмешницей.

– Вассёк, купи мне плю-ю-юшечку, – изображала она Грищиху, которая плачущим голосом иногда просила доброго паренька принести ей что-нибудь из магазина.

Васёк был моим ровесником и иногда заходил к нам, чтобы позвать меня за грибами, или строить шалаш, или собирать васильки в поле, которые можно было высушить и сдать в аптеку. Кстати, его самого иногда называли Василь или Василёк. Но только не тётя Ирина. Завидев тоненького белобрысого Василька, она непременно останавливала его своим фирменным «Вассёк» с двойным или даже тройным «с» и всякий раз задавала какой-нибудь неудобный для него вопрос.

Василь-Василёк был средним сыном Царя и поэтому донашивал обувь за старшим братом. Когда нужно было отпра-

виться куда-то не босиком, он заходил за мной обутым, на радость тёте Ирине, которая тут же с готовностью вопрошала:

– Вассёк, ботиночки наглянцевал?

А носки Василёвых, изрядно послуживших ещё первому хозяину, ботинок были сбиты так, что из них робко выглядывали большие пальцы. Васёк смущался и краснел, и утешить его могло лишь наличие младшего брата, который по понятным причинам совсем не появлялся летом в обуви.

А вот Грищиха свои всесезонные сапожки, похоже, вообще не снимала: пол-то у неё дома был земляной. Однажды она явилась к нам в гости с «андеей», что к ней в избушку ночью подкапывались волки. Якобы они хотели вломиться и Настеньку съесть.

Волки до Настеньки так и не добрались, и, когда пришло время, отправилась она к своему вечно молодому красавцу-мужу в очень ветхом, но вполне целом виде, оставив после себя кривобокую хатёнку и достаточно приличную сумму денег, накопленную с ежемесячной пенсии в двенадцать рублей. Деньги копились, потому что у Настеньки была некая племянница и была надежда на эту племянницу. Мол, придет время и возьмёт к себе племянница и Настеньку, и деньги. Но не всё получилось, как было задумано. Умерла никем не взятая Настенька одна, в нетопленной хате, а деньгам повезло больше – их взяли.

Ермак

Ермак жил в соседней деревне, но он так часто приходил в нашу, пригоняя коров на пастбище, что казался местным жителем. С коровами ситуация была следующей: отдельного пастуха для них не было, пасли сами, по очереди. У нас коров держали все, кроме Грищихи, итого получалось семь. Столько же бурёнок обитало в Ермаковой деревне. Чтобы не отбывать пастушью повинность слишком часто, было решено объединить крупнорогатых в одно стадо, и каждое утро половина общего поголовья отправлялась пастись к соседям – чуть меньше километра в одну сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.